Пропавший муж

Сергей Шалов

Сергей Шалов

Пропавший муж

«Автор»
2026

Шалов С.

Пропавший муж / С. Шалов — «Автор», 2026

Когда майор полиции Семёнович планировал свой вечер, он хотел лишь двух вещей: тишины и пельменей «Сибирская коллекция» с уксусом. Но у вселенной, а точнее — у двух женщин в леопардовом кардигане, были другие планы.В дежурную часть врывается «потерпевшая» Екатерина Алексеевна: её муж, инженер Пётр с «тонкой душевной организацией», уехал продавать «Киа» и пропал. Вместе с ней — Елизавета Петровна, тёща-бронепоезд, готовая штурмовать прокуратуру и чистить биополе майора чесноком.Казалось бы, банальный семейный побег. Но Пётр оставил дома полмиллиона рублей наличными в пакете «Пятёрочка», жену, которая «раскрывает богиню» с помощью вебинаров, и тёщу, которая спит с «однокурсником-поддержкой» Гришей. Семёнович думал, что просто пишет отказной материал, но вместо этого он вскрывает идеальную матрёшку лжи, где не доверяют даже результатам ДНК-теста на сына.

© Шалов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Суббота, день тяжёлый 5
Глава 2. Театр одного актёра и двух зрительниц 7
Глава 3. СОГ в деле. Скука смертная 10
Глава 4. Неделя тишины, или Симфония для рептилоидов с оркестром 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Сергей Шалов
Пропавший муж

Глава 1. Суббота, день тяжёлый

У нас в райотделе, граждане, суббота — это не день для шашлыков и созерцания природы. Суббота — это, если хотите, день сатурналий. День, когда законопослушный гражданин, задавленный пятидневной ипотекой и тёщей, срывается с резьбы. И вся эта сорванная резьба, вместе с гражданином, катится прямиком к нам. В дежурную часть.

А у меня, между прочим, законный вечер. Двадцать ноль-ноль. Я, может быть, о высоком думал. О бренности бытия. Или, по крайней мере, о пельменях. В холодильнике томилась пачка «Сибирской коллекции». Ждала своего часа. Я уже и маслице в пиалку налил, и уксуса плеснул — для бодрости духа. И тут, понимаете ли, скрипит дверь.

Вваливаются две. Одна — в леопардовом кардигане, слёзы по щекам размазывает, но аккуратно, чтобы контуринг не поплыл. Это, как потом выяснилось, Екатерина Алексеевна. Потерпевшая. Жена. Вторая — в платке, но не для смирения, а чтоб уши не дуло. Елизавета Петровна. Тёща. Генеральный спонсор этого семейного драмкружка.

Садятся. Екатерина Алексеевна достаёт платочек, дышит в него, как в алкотестер.

— Спасите, — говорит. — Пропал. Человек. Глава семьи.

А Елизавета Петровна смотрит на меня так, будто это я его лично в лес вывез. И на лопате. И вообще, я ей сразу не понравился. У меня, видать, аура не та. Не для её зятя.

Я, конечно, скорбь на лицо натянул. Делаю участливое лицо, а сам мысленно прощаюсь с невезучими пельменями. Они там, в темноте, наверное, уже инеем покрылись от тоски.

— Так, — говорю. — По порядку. Фамилия, имя, отчество пропавшего. Особые приметы. В чём был? Не в ластах ли?

— Пётр Фёдорович, — всхлипывает Катя. — В куртке синей. «Аляске». Состояние «капсула», почти не носил, только в поликлинику. Характер нордический. Молчун.

Я ручку взял. Пишу: «Гражданин П. Ф., нордический молчун в капсуле». Звучит как описание редкого вида йети, а не инженера.

— А чего молчун? — спрашиваю. — Работа секретная? Или вы, Екатерина свет Алексеевна, ему с утра до вечера втолковываете, где его место и кто он есть на этой земле?

Катя на меня глазами — зырк! Мол, как вы смеете, при живой вдове-то.

— Он, — говорит, — тонкая душевная организация. Он страдает. Мы, — тут она на тёщу кивает, — мы для него стараемся. Создаём уют. Елизавета Петровна специально с нами живёт, чтобы с внуком, с Павликом, заниматься. Чтоб Петенька не отвлекался.

Ага, думаю. Чтоб не отвлекался. От созерцания тёщиных бигудей на кухне. Я таких «помощниц» за двадцать лет службы наизусть выучил. Это как бесплатный Wi-Fi в отеле: обещают безлимит, а на деле — только почту проверить, и то по талонам.

— Крепкая, — говорю, — у вас ячейка общества. Прямо монолит. Как Мавзолей. А чего сбежал-то? От такого уюта только в петлю, а он, вишь, просто исчез.

— Он не сбежал! — взвивается тёща. Голос у неё, как у боцмана. — Он в банк поехал! Машину продавать! Мы «Киа» на «Шкоду» меняем, чтоб посвежей. А он — человек ответственный. Сказал: «Мама, я мигом». И пропал! Три часа! Три часа человека нет! Его убили! Ограбили! Коллекторы почки забрали!

Я протокол строчу. «Со слов потерпевшей, гражданин П. Ф. был подвержен нападению коллекторов с целью изъятия почек». Красота. Статья, конечно, не «сто пятая», а «двести сорок первая какая-то», но тоже весело.

— В каком банке? — спрашиваю.

— В «Сбере»! На Ленина! — хором отвечают.

Я смотрю на них. На леопардовый кардиган. На тёщин платок. На часы. Двадцать пятнадцать. Пельмени, наверное, уже не просто замёрзли. Они, наверное, уже в летаргический сон впали.

— Значит так, — говорю. — Гражданин П. Ф. совершил сделку купли-продажи. Получил денежные средства. В размере, надо полагать, немалом. И скрылся. В неизвестном направлении. Предположительно, за пивом.

— Какое пиво?! — Катя в истерику. — У него давление! Он капли пьёт! «Корвалол»! Он сердечник!

— От «Корвалола», — говорю, — граждане, в мотель с дамами не убегают. От «Корвалола» только на диване кряхтят и Первый канал смотрят. А у вас тут, простите, «Форсаж-9» намечается.

Тёща как вскочит. Костлявый лапкой по столу — хлоп! Так что бедная пиалка взлетела, как испуганная муха.

— Вы, — говорит, — милиция, или где? Вы почему над горем измываетесь? У меня зять — золото! Он гвоздь в стену вбить не может, потому что у него аура тонкая! А вы — мотель! Да я на вас жалобу! В прокуратуру! Бастрыкину напишу!

Я вздохнул. Протокол отложил. Посмотрел на них своим самым тяжёлым взглядом. Тем, от которого начинают писать чистосердечное признание даже самые отпетые рецидивисты.

— Гражданки, — говорю тихо так, проникновенно. — Я за день трех алиментщиков поймал, одного карманника и одну бабку, которая пыталась расплатиться в «Пятёрочке» сушёными мухоморами. У меня нервная система — как канат на «Титанике». Ещё пять минут вашего ультразвука, и я сам кого-нибудь убью. Статью переквалифицируют в «превышение в состоянии аффекта». Дайте мне хоть «Корвалола» глотнуть.

Они притихли. Испугались. Поняли, что перед ними не мальчик в форме, а уставший языческий бог, которому забыли принести жертву в виде тишины.

— Заявление, — говорю, — пишите. По форме. «Прошу найти моего мужа, так как он не вернулся из банка». И идите домой. Смотреть сериал. И «ауру» чистить. Чесноком. Помогает.

Вышли они. Дверью, конечно, хлопнули. Не со зла, а для акустического эффекта. А я сижу. Смотрю на остывший чай. И думаю. Вот ведь жизнь. Была у человека «Киа». Хотел «Шкоду». А получит сейчас, чувствую, такую «Шкоду» по хребту от Екатерины Алексеевны, что капсула не спасёт.

И пельмени. Пельмени-то я так и не поел. Остались они там, в холодильнике. Одинокие. Как Пётр Фёдорович в этом своём Берёзовом. Эх, жизнь моя жестянка. Ни тебе романтики, ни тебе горячего ужина. Одно расстройство. И статья 105. На пустом месте.

Глава 2. Театр одного актёра и двух зрительниц

Допрос — это, граждане, вам не в «Что? Где? Когда?» играть. Тут интеллект нужен особый. Не тот, что формулы знает, а тот, что сквозь человеческую шелуху до самой сути, до гнильцы добирается. Я этих двух — Екатерину Алексеевну и Елизавету Петровну — рассадил по разным углам кабинета. Чтобы, значит, сговору не было. А то они в коридоре так шептались, что в кабинете шторы раскачивались.

Первой запустил Катю. Она вошла, села на краешек стула. Поза «Лебедь умирающий, третья позиция». Спина прямая, взгляд в пол, руки на коленях сложила. Святая. Мученица. Только вот от мучениц «Шанель» так отчаянно не пахнет. И тушь, я смотрю, свежая. Дорогая. Из того самого «Золотого яблока», где консультанты смотрят на тебя, как на неудачную шутку природы.

— Ну что, — говорю я ей ласково, как налоговый инспектор. — Рассказывайте. С самого начала. Как докатились до жизни такой.

— До какой? — шепчет она, а сама ресницами — хлоп-хлоп. Будто у неё там дворники встроенные.

— До семейной, — говорю. — До крепкой. Вы же сами в заявлении писали: «Жили душа в душу, без скандалов, Петенька — ангел».

Катя всхлипнула. Аккуратно. Одним глазом.

— Мы и правда... без скандалов. Пётр — он же молчун. Интроверт. У него внутренний мир.

— Ага, — киваю. — Мир есть. А входной двери в этот мир нет. Заперто изнутри. И вы с маменькой в эту дверь колотитесь, как опергруппа на задержании. Значит, «без скандалов» — это когда он молчит, а вы с Елизаветой Петровной на кухне решаете, куда его тапки переставить, чтобы по фэн-шую было?

Она на меня зыркнула. Но быстро спохватилась, опять в «Лебедя» превратилась.

— Мама просто помогает. Она с внуком сидит. Чтоб я, как женщина, могла развиваться. Я вот на вебинар записалась. «Раскрой в себе богиню».

— И как? — спрашиваю. — Богиня уже показалась? Или пока только счета за вебинар шлет?

Тут она губы поджала. Поняла, что со мной в «богиню» играть — что в шахматы с голубем. Он всё равно доску опрокинет и улетит рассказывать, как он тебя уделал.

— Он, — говорит, — всегда был... скрытный. Но добрый. Мы ему кабинет его отдали. Под рабочий кабинет. Чтоб творил.

— Кабинет — это хорошо, — говорю. — Это по-царски. А где он, простите, творил? На коврике в прихожей? Или в ванной, сидя на стиральной машине?

— Почему... — она замялась. — У него уголок был. В нашей спальне. За ширмочкой. А в большой комнате теперь у Павлика игровая. И у мамы — зона релаксации с ионизатором.

Я, граждане, в этот момент чуть протокол не уронил. Ширмочка! Мужику под сорок, инженер, а рабочее место — «за ширмочкой». Да за такой ширмочкой только Карлсон от Фрекен Бок прятаться может. Я эту квартиру ихнюю вмиг дорисовал. Четырёхкомнатная. Сталин-

ской планировки. А по факту — коммунальная квартира повышенной комфортности. Где Пётр — это такой шумный бытовой прибор. Вроде пылесоса. Вроде нужен, но лучше бы его не видно и не слышно было. Сунул в розетку, он порычал, пыль поглотал — и за ширмочку.

— Понятно, — говорю. — Схема ясная. Пётр — это мебель. Стенка румынская. Полированная. Стоит, глаза мозолит, пыль собирает, но выкинуть жалко — антиквариат. А тут он возьми и уйди. Сам. Как табуретка. Ушёл и унёс с собой четыре ножки. Это, Екатерина Алексеевна, не похищение. Это бунт предметов.

Она опять в слёзы. Но уже не так художественно. Скорее, от досады, что ширмочку её сразу раскололи.

Выпроводил я её. Пригласил Елизавету Петровну.

Вот это, я вам скажу, экземпляр. Женщина-бронепоезд. С виду — божий одуванчик, а в глазах — сталь холодная, как скальпель патологоанатома. Села. Ногу на ногу закинула. Юбка строгая.

— Чаю? — спрашиваю. Для издевательства.

— Я, — говорит, — молодой человек, на работе не пью. И не ем. Я делом занята. Зятя ищу. Который по вашей милости где-то шляется.

— А чего его искать? — говорю. — Он, небось, сейчас в «Шкоду» садится. Радуется. Свобода — это осознанная необходимость, Елизавета Петровна. Она дорогого стоит. Дороже «Киа».

Она на меня посмотрела, как на таракана в борще.

— Вы, — говорит, — Петю не знаете. Он — телок. Телок домашний. Его палкой из дома не выгонишь. Это Катюша его довела. Своим непониманием. И вы, органы, тоже. Вместо того чтобы искать, вы тут философию разводите.

— А чего ему понимать? — спрашиваю. — Он инженер. У него мозг, как калькулятор «Электроника». Он факты любит. Пришёл домой — факт. Поел — факт. Жена с другом в Турцию улетела — тоже, знаете ли, медицинский факт. От такого факта даже «Электроника» задымится.

Тёща как подпрыгнет.

— Да вы... вы... Да как вы смеете! На беззащитную женщину! Она жертва! Она запуталась! Она между двух огней! Между Петей и Гришей!

А вот это, граждане, уже интересно. Это уже не «ширмочка». Это уже «меню».

— Гриша? — говорю. — Это кто у нас? Очередной «ионизатор»? Или «зона релаксации»?

— Гриша — это друг детства! — лепечет она, но глазки-то забегали. — Однокурсник! Поддержка!

— Ага, — говорю. — Поддержка. И не только моральная, судя по тому, как вы оправдываетесь. И давно этот «однокурсник» ее в «зоне релаксации» релаксирует?

Она поняла, что сболтнула лишнего. Замолчала. Губы в нитку. Смотрит в окно. А там, за окном, жизнь идёт. Люди идут. Кто за хлебом, кто от жены. Красота.

Я протокол дописал. «Со слов тёщи, зять — телок, дочь — жертва обстоятельств и гормонального сбоя, а некий Гриша — просто мимо проходил, чаю зашёл попить».

— Идите, — говорю. — Елизавета Петровна. И чеснок свой домой заберите. А то у меня от вашей ауры уже изжога начинается. И вот что. Если ваш «телок» завтра к вечеру не найдётся, я дело по «сто пятой» возбужу. И поедете вы, гражданочка, как организатор преступной группы. За подстрекательство к побегу из-под каблука. У нас, знаете ли, сроки за это не дают, но нервы мотают — будь здоров.

Ушла она. Дверью не хлопнула. Придавила. Чтоб косяк треснул.

А я сижу. Смотрю на два протокола. На одном — «жертва богини», на другом — «телок и Гриша». Налил себе чаю. Холодного. Без сахара. Потому что от такой концентрации сахара в их жизни у меня, здорового мужика, диабет начинается.

Пельмени, граждане. Вот о чём я думал. Они там, в ледяном заточении. А я тут — в жаре. От тёщ. И ведь самое обидное — не найдут они его. Потому что он не потерялся. Он, сукин сын, просто геолокацию поменял. И правильно сделал, между прочим. Я бы на его месте ещё и фамилию сменил, чтобы наверняка. На «Сизифов». Чтоб уж совсем символично было.

Глава 3. СОГ в деле. Скука смертная

Когда начальство слышит словосочетание «крупная сумма денег» и «пропал без вести», у него, граждане, в глазах начинают крутиться звёздочки. Не те, что на новогодней елке, а те, что на погонах. Потому что это — палка. Раскрытие. Премия. И возможность на совещании в Главке так значительно кашлянуть, что у соседей по столу уши закладывает.

Поэтому на следующий день, в воскресенье (воскресенье, Карл! Мой единственный день, когда я имею право пахнуть не валидолом, а шашлыком), подняли СОГ. Следственно-оперативную группу. В полном составе.

Выезжаем. Впереди — машина ППС, сзади — «дежурка» с экспертом-криминалистом. Эксперта нашего зовут дядя Вася. Дяде Васе лет шестьдесят, он видел Ленина, динозавров и столько трупов, что на него самого без нашатыря смотреть страшно. У дяди Васи два состояния: либо он спит, либо ест. Сейчас он находился в промежуточной фазе — жевал холодную сосиску в тесте, завернутую в «Российскую газету».

— Вася, — говорю ему, когда мы на автобазу приехали, — ты хоть салфетку возьми. А то у тебя на усах «Вести недели» остались.

— Это, — говорит Вася с набитым ртом, — не «Вести». Это программа телепередач. Я её на просвет смотрю, как рентген. Ищу тайные знаки. Вот, видишь, на пятой странице кроссворд недоделан. Это к дождю.

Я махнул рукой. С таким не поспоришь. Это всё равно что спорить с холодильником.

Приехали на автобарахолку. Воскресенье. Народищу — тьма. Пахнет жжёным сцеплением, дёшёвым табаком и отчаянием. Мы оцепили место, где Пётр свою «Капсулу» (то бишь «Киа») продавал. Ходят опера, людей опрашивают.

А люди, граждане, на барахолке — они особенные. У них язык свой. Эзопов.

Подходит наш опер, лейтенант Кулебякин, к мужичку в кожанке. Тот на корточках сидит, семечки лузгает.

— Слышь, отец, — говорит Кулебякин. — Тут «Киа» чёрная продавалась. Седан. Хозяин — в синей куртке. Видел?

Мужичок семечку выплюнул. Посмотрел на лейтенанта, как на муху перед носом.

— Ну.

— Что «ну»? Продалась?

— Состояние «капсула», — говорит мужичок. — Пробег, как до Марса. Резина — «липучка», но липнет только к дивану. Отдали за бесценок. Тысяч на двести ниже рынка. Потому что «срочно».

— Почему срочно? — напрягся Кулебякин.

— А потому, — мужичок понизил голос до шёпота, — что «вдовец». Или «ипотека душит». Или «еду к тёще на блины, навсегда». Тут, сынок, психология. Машина — это же не железо. Это диагноз. Эта «Киа» кричала: «Заберите меня хоть за хлеб, лишь бы не видеть этих глаз!».

Кулебякин ко мне подходит. Рапортует:

— Товарищ майор, машина ушла. Покупатель — лицо кавказской наружности на «Приоре». Номера не запомнил, потому что ослеп от блеска фар и жадности.

Я вздохнул. Пошли к банку. «Сбер». Стекло, бетон, уныние. Заходим. Дядя Вася сразу к охраннику.

— Пирожки есть? — спрашивает.

— Какие пирожки, дед? — злится охранник. — У нас тут биометрия! Безопасность!

— Какая безопасность, — бурчит Вася, — если закусить нечем. У вас тут атмосфера нервная. Небось, инкассаторы вчера приезжали, всю вендинговую лапшу съели.

Осмотрели банк. Камеры. Ну, граждане, это в кино след от пальца на стекле — это улика. В жизни след от носа Екатерины Алексеевны на этом стекле — вот это улика. Она, видать, так рыдала и прижималась, что оставила жирный отпечаток своего горя.

— Так, — говорю эксперту. — Вася, сними. Отпечаток скорби. Пригодится.

Вася фыркнул, достал порошочек. Посыпал. Слепок снял.

— Хорошая, — говорит, — баба. Щедрая. Столько сала на стекле оставила — на целую зиму хватит. Четвёртый размер. Не меньше.

Вышли на улицу. Собака. Привезли нам овчарку. Умница пёс. По кличке, кажется, Граф. Или Барон. Что-то аристократическое. Хозяин его, кинолог, говорит:

— Товарищ майор, Граф — лучший нюхач в области. Он нам сейчас тропинку покажет!

Дали Графу ботинок Петра (тёща из дома привезла, в пакете «Пятёрочка», чтоб форму не потерял). Граф понюхал. Чихнул. Посмотрел на кинолога. И сел. Делать свои собачьи дела. Прямо на газон.

— Он, — оправдывается кинолог, — в растерянности. Запах сложный. Тут «Кожаная куртка, серия "Эконом"», «Страх перед тёщей» и отчётливый шлейф «Пельменей с уксусом». У него когнитивный диссонанс. Он не знает, куда бежать: искать хозяина или просить у меня пожрать.

— Корми, — говорю. — Раз у него диссонанс. И поехали. Нечего тут экологию нарушать.

Вернулись в отдел. Я сел за стол. Передо мной — гора макулатуры. Объяснения. Рапорты. Фотографии синей куртки на фоне ржавых гаражей.

Входит дядя Вася. Жует. Теперь у него на усах крошки от беляша.

— Семёныч, — говорит. — Я тут экспертизу провёл. По телефону.

— Чего? — не понял я.

— Ну, биллинг. Куда звонил наш беглец. Так вот. С момента, как он из банка вышел, аппарат абонента выключен. Или находится вне зоны доступа. А вне зоны доступа он может быть только в одном месте.

— В Тибете? — спрашиваю.

— Нет, — Вася дожевал. — В мотеле. Там, знаешь ли, такие железобетонные перекрытия, что даже «Сбербанк Онлайн» не пробивает. И баб оттуда, — он хитро прищурился, — биллингом не вычислишь. Их только носом чуять. Как я чую, что в шестом кабинете пончики привезли.

Я откинулся на стуле. Посмотрел в окно. Темнело.

Вот она, романтика сыскной работы. Грязь. Семечки. Собака, которая хочет в отпуск. И две бабы, которые сейчас, наверное, мечут икру на кухне, проклиная меня, банк и эволюцию.

— Вася, — говорю. — Пиши в отчёте. «В ходе оперативно-разыскных мероприятий установлено, что гражданин П. Ф. скрылся в неизвестном направлении, предположительно, в сторону снижения ответственности и повышения уровня эстрогена в крови. Местонахождение уточняется. Собака Граф направлен на реабилитацию в профилакторий для нервных псов».

— Может, — говорит Вася, — напишем, что он инопланетян встретил? У меня брат жены так от алиментов прятался. Сказал, что его НЛО забрало. Прокурор поверил. Потому что логичнее.

Я подписал ему путёвку на пончики. А сам подумал. Вот сидит где-то сейчас Пётр. Пьёт пиво из банки. Смотрит в потолок. И тишина. И нет никого. Ни ширмочки, ни ионизатора, ни «Раскрой в себе богиню». Только «Капсула» в виде наличных в кармане.

И знаете что, граждане? Я ему в тот момент даже позавидовал. Немного. Самую малость. Ровно на одну сосиску в тесте.

Глава 4. Неделя тишины, или Симфония для рептилоидов с оркестром

Понедельник, граждане, — день тяжелый. Это любой школьник знает. А вторник — он еще тяжелее, потому что в понедельник ты только раскачиваешься, а во вторник на тебя уже навалили всё, что не успели в понедельник. У меня на столе папка с делом гражданина П. Ф. распухла, как печень у завсегдатая рюмочной.

Сверху лежит рапорт. Красивый. Официальный. «В связи с отсутствием события преступления и наличием здравого смысла у оперуполномоченного, полагал бы материал списать в номенклатурное дело». Подпись: «Майор Семёнович».

Я эту бумажку поднес к лицу, понюхал. Пахло свободой. Пахло пельменями. Пахло выходным.

И тут, как назло, зазвонил телефон.

Зуммер у нас в отделе старый, дисковый еще, с характером. Он не звонит, он орёт благим матом, будто ему дверью причиндалы прищемили.

— Алло, — говорю. — Морг. Вскрытие слушает.

— Игорь Семёнович! — это Катя. Голос такой, будто она не в трубку говорит, а в эхолот. — Он не объявился?

— Екатерина Алексеевна, — говорю я ласково, — а вы календарь давно открывали? У нас там, знаете ли, не 1941 год. Война не объявлена. Чего ему объявляться? Он, может, визу в Шенген делает. На ПМЖ. От вас.

— Вы шутите! — рыдает она. — А я всю ночь не спала! Я гадала! На воске!

Я аж трубку чуть не выронил. На воске. В двадцать первом веке. Когда у нас искусственный интеллект скоро в «Пятёрочке» на кассе стоять будет и хамить покупателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.